

УДК 81.23

Хухуни Г.Т., Осипова А.А.

(г. Москва)

**ДВА БИБЛЕЙСКИХ ПЕРЕВОДА И ИХ ИСТОРИЧЕСКАЯ СУДЬБА
(О ГОТСКОЙ И СЛАВЯНСКОЙ ВЕРСИЯХ СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ)**

Аннотация. Статья посвящена сопоставлению истории двух средневековых переводов Библии – на готский и славянский языки соответственно. Отмечается, с одной стороны, определённое сходство принципов создания указанных версий и использованных способов межъязыковой передачи, а с другой – коренное различие в дальнейшей исторической судьбе двух названных памятников. Среди причин, обусловивших такое несходство, можно назвать как религиозный фактор (арианское исповедание готов и православное – южных и восточных славян), так и относительную недолговечность существования готских государств. *Ключевые слова:* Библия, перевод, готский, славянский, православный, арианский, Кирилл и Мефодий, Вульфила.

G. Khukhuni, A. Osipova

(Moscow)

**TWO BIBLE TRANSLATIONS AND THEIR HISTORICAL DESTINIES
(THE GOTHIC AND SLAVONIC VERSIONS OF THE HOLY WRIT)**

Abstract. The present paper contains the comparison of the history of the two Bible translations, namely into the Gothic and Slavonic languages. It is mentioned, that, on the one hand, the process of their creation and their translation methods show definite similarity, on the other hand, the future destinies of these two monuments had distinct differences. Among the reasons, which determined such differences, the authors name the religious factor (the Arianism of the Goths versus the Orthodox faith of the South and Eastern Slavs), as well as the relatively short period of existence of the Gothic states.

Key words: the Bible, translation, Gothic, Slavonic, Orthodox, Arian, Cyril and Methodius, Wulfila.

Как известно, в «Житии Константина-Кирилла» рассказ о пребывании будущего создателя славянской письменности в Херсонесе (Корсуни) содержит следующий эпизод: «Обрѣте же ту Евангѣлье и Псалтырь, русьскы писмены писано, и чьловека обрѣтъ, глаголюща тою бесѣдоу. И бесѣдовавъ с нимъ и силу рѣчи приимъ, свои бесѣдѣ прикладая различно

писмена гласная и съгласная. И къ Богу молитву держа, вскорѣ начать чисти и сказати. И мнозѣ ся ему дивляху, Бога хваляще» [6].

Комментируя процитированный фрагмент, исследователи отмечают: «Это загадочное место в Житии породило огромную литературу, из которой можно выделить следующие основные точки зрения: 1) русские письмена – письмена древних «русов» (восточных славян), которые затем легли в основу изобретённой Константином азбуки; 2) имеется в виду перевод Библии на готский язык, осуществленный в IV в. Вульфиллой; 3) имеются в виду «сурские», т. е. сирийские письмена. Большинство исследователей в настоящее время придерживаются последней точки зрения» [21].

Если оставить в стороне первую гипотезу, то можно допустить, что второе и третье предположения формально опираются в какой-то степени на приписываемые самому первоучителю славян слова, которые он адресовал своим противникам. Когда «сбращася на нь пискупи, попове и черноризци, яко вранѣ на соколь, въздвигоша триязыщную ересь», Константин, опровергая последнюю, упоминал и гутов, и сирийцев («суриев»): «Мы же многы роды знаемъ, книги умѣюще, Богу славу въздающе своимъ языкомъ къждо. Явѣ же суть си: ормѣни, пѣрси, авазги, иверие, сугди, готи, обѣре, турси, козаре, аравляне, егуптянѣ, сури, ини мнози» [6].

Естественно, было обращено внимание и на то обстоятельство, что подавляющее большинство названных Константином-Кириллом народов, которые «Богу славу въздающе своимъ языкомъ къждо», «воздавали» её в форме, отличной от православия. Анализируя указанный момент, Б.Н. Флоря отмечал, что позиция автора этих слов (как и его учителя, патриарха Фотия) представляет собой «свидетельство определённой терпимости и широты взглядов, не совсем обычной для данной эпохи». В этой связи исследователь ссылается на реконструированный известным французским славистом А. Вайаном фрагмент предисловия к переводу Евангелия [25], в котором Константин «не только признавал, что в своей работе использовал переводческий опыт некоторых «неправовверных» авторов (по-видимому, переводчиков Евангелия на сирийский язык), но и обосновывал такую позицию ссылкой на авторитет Кирилла Александрийского, учившего, что ‘не все, елико глаголют зловѣрнии, отбегати есть лепо и отметати’» [21]¹.

По понятным причинам, в трудах западноевропейских исследователей будущее распространение получила вторая версия². Приведа обзор ряда

¹ Упомянутая работа А. Вайана посвящена анализу так называемого «Македонского кириллического листка» (Подробнее см. примечание 1 на стр. 11).

² Из отечественных исследователей её разделял, в частности, П.Л. Лавров: «Русское Евангелие, о котором говорится в этой главе, есть, по всей вероятности, готский перевод Евангелия Ульфила, а русский человек, упоминаемый здесь, есть, вероятно, варягорус. Таково мнение большинства ученых» [20, с. 272].

работ (главным образом, относящихся к первой половине прошлого века), обосновывающих эту версию, автор известного труда о языке и культуре готтов П. Скардили в главе с характерным названием «Читал ли Кирилл Библию Вульфилы?» указывает, что ими не только строится гипотеза, будто «Кирилл для своей переводческой деятельности получил толчок благодаря знакомству с трудом Вульфилы и его расшифровке», но и высказывается мнение, якобы это «древнейший славянский текст (так называемый глаголический?!) готского происхождения» [18, с. 233–234]. Впрочем, сам учёный отмечает: «Возражения против такого допущения немалые... Языковые свидетельства того, что Кирилл читал Вульфилу, не очень убедительны...» [18, с. 233–234]. Аналогично в монографии А-Э.Н. Тахиаоса, посвящённой славянским первоучителям, указывается, что «эта теория не совсем соотносится с историческим и филологическим контекстом обсуждаемого места и, во всяком случае, вряд ли ведёт к решению поставленной проблемы» [20, с. 66].

Действительно: трудно предположить, независимо от того, что представляли собой таинственные «русьскы писмены», чтобы носитель греческой христианской культуры, к тому же с детства владевший славянским языком (вспомним хрестоматийно известные слова, адресованные, согласно Житию Мефодия, императором Михаилом славянским первоучителям: «Вы бо еста селунянина, да селуняне вьси чисто словѣньскы бесѣдують» [7])³, нуждался в наличии «готского посредничества для славянского перевода» и «прежде всего, принялся за изучение готского языка» [18, с. 235, 237]. К тому же, ко времени начала миссии солунских братьев и готский язык, и готская письменность, если не вышли из употребления полностью, то явно угасали⁴. Вместе с тем, как признаёт сам П. Скардили, «в IX в. перевод на народный язык – событие уже никоим образом не стоящее особняком и чрезвычайное» [18, с. 234]. Правда, упоминая в этой связи армянский перевод Библии V в., учёный отмечает, что последний был «мало доступен» [16, с. 234]. Учитывая, однако, тесную связь Армении (как и Грузии, где, кстати, к тому времени тоже уже был осуществлён перевод Священного Писания и которая, к тому же, являлась православной страной) с Византией, вероятно,

³ Правда, в специальной литературе ставилась под сомнение подлинность данного фрагмента [1, с. 29], а также высказывалось мнение, согласно которому «это место является подлинным, но по существу в нем нет указания ни на что иное, кроме вполне обычных обобщений и преувеличений, достаточно часто встречающихся в греческой разговорной речи при писании людей или местности» [20, с. 33]

⁴ В монографии П. Скардили, с одной стороны, говорится, что имеющиеся данные (пометы на готском языке в так называемой Алкуиновой рукописи IX в.) «не допускают никакого сомнения в том факте, что в Центральной Европе ещё были люди, которые по-готски читали и ему учили в IX – X вв.», а с другой – признаётся, что «многие сомневаются в том, что к этому времени кто-то был способен бегло читать по-готски» [18, с. 239, 336].

нельзя исключить, что ознакомиться с существующими в этих странах традициями библейского перевода на местные языки (если такое знакомство действительно требовалось ему непосредственно для собственной переводческой деятельности) Константин мог с не меньшей вероятностью, чем с наследием Вульфили.

Сказанное, разумеется, не исключает того, что Константин-Кирилл, будучи высокообразованным и хорошо знающим, говоря современным языком, «историю вопроса» человеком, мог воспользоваться, в числе прочих источников, и трудом своего готского предшественника. Однако, как представляется, в данном случае вполне актуально звучит высказанное ещё два столетия назад предупреждение Н.М. Карамзина: «...Историк не должен предлагать вероятностей за истину, доказываемую только ясными свидетельствами современников» [9, с. 56].

Но если прямую преемственную связь между деятельностью «равноапостольных» славянских первоучителей, с одной стороны, и творившего за полтысячелетия до них «апостола готов» – с другой, вряд ли возможно установить, то определённые типологические сопоставления в данном случае, вероятно, действительно прослеживаются. Ниже даётся попытка (естественно, не претендующая на сколь-нибудь исчерпывающий характер) представить некоторые из таких параллелей (многие из которых, разумеется, имеют место и по отношению к другим народам в сходных исторических условиях).

1. Потребность в «учителях», как сведущих в христианском вероучении, так и способных переложить Священное Писание на родной язык будущей паствы. Напомним в этой связи фрагмент из известного труда Иордана, повествующий о переговорах готов с императором Валентом: «...Чтобы больше было им веры, они обещают стать христианами, если только будут им даны наставники, учащие на их языке» (*ut fides uberius illis haberetur, promittunt se, si doctores linguae suae donaverit, fieri Christianos*) [8]. (Правда, в дальнейшем Валенту ценой собственной жизни пришлось убедиться в том, что кротость и готовность прощать обиды не были у современных ему готов основными христианскими добродетелями). С аналогичной просьбой, как известно, обратилось к императору Михаилу и посольство моравского князя Ростислава: «...Мы словѣни проста чадь и не имамъ, иже бы ны наставилъ на истину и разумъ съказалъ. То, добръи владыко, посьли такъ мужъ, иже ны исправить вьсяку правду» [6].

2. Наличие некоторых зачаточных форм письменности, которые, с одной стороны, свидетельствовали о назревшей потребности в её создании, а с другой – не могли быть применены как полноценное средство фиксации речи и, тем более, для реализации такого сложного предприятия, как пере-

вод Священного Писания. Относительно гутов её существование очевидно – это руническое письмо. «Вульфила, конечно, знал рунический алфавит: насколько бы ни опиралась основа его алфавита на греческий, всё же без труда просматривается предыдущий опыт, полученный непосредственно на германском материале» [18, с. 123]⁵. Например, в «начертании о, и большинство исследователей усматривает влияние рунического письма» [17, с.111]. Относительно славян, как известно, существует свидетельство черноризца Храбра: «Прѣжде оубо словѣне не имѣхъ книгъ. нѣ чрътами и рѣзми чытѣхъ и гатаахъ погани сѣще. кръстивше же сѧ римьскими и грѣчьскими писмены. нѣждаахъ сѧ словѣнскы рѣчь безъ устроения» [15, с. 163]. Приведём в связи с рассматриваемым вопросом высказывание Б.Н. Флори (ссылающегося также на известного чешского учёного, в прошлом видного члена Пражского лингвистического кружка Б. Гавранка). Подчёркивая «неоднократно отмечавшийся высокий уровень переводов, осуществленных Кириллом и Мефодием», учёный пишет: «Как ни была велика личная одарённость братьев, такой высокий результат не мог бы быть достигнут, если бы ему не предшествовал определённый период создания литературных текстов на славянском языке. С этими попытками естественно связать и первые неудачные опыты создания особого славянского алфавита. Работы этих безымянных предшественников послужили фундаментом деятельности Кирилла и Мефодия» [21].

3. Использование в качестве оригинала греческого текста Священного Писания и связанные с этим особенности языкового оформления библейских книг. Исследователи единодушно указывали, что «язык готских памятников отнюдь не представлял собой простой фиксации разговорного языка» [4, с. 19], «не был тождественен диалектной речи, поскольку имел обработанный, наддиалектный характер» [5, с. 9], причём именно «греческий язык подлинника послужил образцом для формирования облика литературно-письменного языка гутов» [10, с. 67]. Порой высказывалось мнение, что в ряде случаев «Вульфила, стремясь к правильному переводу..., так вёл себя и так обращался со своим языком, ‘как будто он был греческим’» [18, с. 111]. Относительно того, как обстоит дело в указанном отношении с церковнославянским языком, также писалось достаточно много. Утверждалось даже, что славянский языковой «материал дописменного племенного языка был только материалом, речевой плотью, в которую переводчики, равноапостольные Кирилл и Мефодий, вдохнули совершенно другой, новый, греческий дух» [16], и что Кирилл и Мефодий «взяли греческую грамматику и методику, способ взаимной связи и рас-

⁵ «По мнению некоторых учёных, именно у готов руническая письменность впервые среди германцев получила применение (в Причерноморье)» [5, с. 11].

становки слов в предложении, и соединили это с миром славянских слов» [11]. Сравним с мнением, высказанным ещё два с лишним столетия назад, согласно которому труд Вульфила представляет собой греческий текст, одетый в готские слова – «*graecum... textum goticis quidem vocabulis con-vestitum*» [цит. по: 18, с. 121]).

4. Обусловленная функционированием, в первую очередь, в сфере богослужения и религиозно-церковной письменности стилистическая окраска языка Вульфила, с одной стороны, и солунских братьев – с другой. О первом говорится: «‘Священный язык церкви’ тяготел к каноничности, устойчивости специфических языковых форм, во многом оставаясь ‘языком перевода’. Этот архаический языковой тип условно можно назвать ‘библейским’ (вульфианским) готским» [5, с. 9–10]. Показателен предложенный в отечественной науке термин «церковноготский» [3, с. 3], в котором явно прослеживается параллель с «церковнославянским». С другой стороны, по сути общепризнанными являются положения о том, что «переводы святых равноапостольных Мефодия и Кирилла создали славянский литургический стиль, который и явился основой церковнославянского языка» [22], а сам их язык – это язык переводов с греческого, который «с самого начала был языком книжно-литературным и никогда не использовался в качестве средства бытового общения» [19].

5. Утрата переводов, непосредственно принадлежавших создателям соответствующих письменностей. «Основные обнаруженные готские памятники – фрагменты библейского перевода Ульфила – сохранились в позднейших готских рукописях V – VI вв.» [5, с. 11]. «В какой степени, дошедшие до нас более поздние рукописи, сохранили первоначальный вестготский текст, остается далеко не ясным» [4, с. 16]. Аналогично обстоит дело и со славянским: «До нашего времени не дошли ранние рукописи на старославянском языке, рукописи, которые относились бы ко времени деятельности славянских Первоучителей – Константина и Мефодия, не сохранились переводы и тексты, писанные их ближайшими учениками» [13, с. 7].

6. Стремление последователей творцов готской и славянской письменности, наряду с *практикой* межъязыковой передачи, осмыслить её *теоретические основы*. В этой связи упоминают письмо создателя знаменитой Вульгаты Иеронима к двум готским клирикам, обратившимся к нему с вопросами о толковании нескольких трудных мест при переводе псалмов, в котором автор особенно подчёркивает значимость и необычность того факта, что носители «варварского языка» стремятся постичь «еврейскую истину» (*quis hoc crederet, ut barbara Getarum lingua Hebraicam quaereret ueritatem*) и излагает свои суждения по интересующим его корреспондентов вопросам [23]. Обсуждаются указанные проблемы и в Предисловии к так называе-

тому Кодексу из Брешии (Codex Brixianus), текст которого можно найти в монографии П. Скардиллы. В нём специально отмечается необходимость того, чтобы при чтении различных переводов не создавалось впечатления, будто греческий, латинский и готский тексты не совпадают друг с другом (ne in interpretationibus linguarum... legenti videatur aliud in Graeca lingua, aliud in Latina vel Gothica designata esse conscribta), и отмечается, что хотя каждый язык своеобразен и отличается от других, однако значения слов имеют один и тот же смысл (ad unum sensum concurrere demonstra(n)tur) [18, с. 186–187]. В связи с этим порицаются неназванные лица (некоторые исследователи усматривали здесь намёк на Иеронима), которые слишком произвольно передают библейский текст и тем самым искажают его (qui falsa adsertione secundum voluntate(m) sua(m) mendacia in lege vel in evangeliis per interpretationem propria(m) posuerunt) [18, с. 186]. В славянской традиции вспоминают, прежде всего, рассуждение Иоанна Экзарха Болгарского в предисловии к переводу Иоанна Дамаскина: «Иже глѣ въ иноумъ языкѣ краснѣ, то въ друузѣмъ не краснѣ. Иже въ иноумъ страшнѣ, то въ друузѣмъ нестрашнѣ. Иже въ иноумъ чьстьнѣ, то въ друузѣмъ нечьстьнѣ. И еже имѧ моужьско, то въ иноумъ женьско... не бо естъ лъзѣ всьде смотрити елиньска глѧ нѣ разоума ноужда блюсти» (хотя исследователи и отмечают, что порой он «всѣ-таки уступал форме ‘елиньского глагола’») [14, с. 31–32]⁶.

7. Смена первоначального центра зарождения письменной традиции и переход его к другим группам данной этнокультурной общности. Так, например, в работе М.М. Гухман читаем: «Несмотря на то, что истоки готской письменности восходят к IV в., т. е. к периоду существования *вестготских* поселений в Дакии и Мезии, кратковременный расцвет готского письменного языка следует отнести к эпохе *остготского* королевства в Италии (курсив наш – Г.Х., А.О.). Существование в это время оживлённой работы над текстами готской Библии подтверждается многими историческими фактами. Они указывают на существование оживлённой текстологической работы над готской Библией в остготском королевстве Теодориха» [4, с. 16–17; 18]. С другой стороны, славянская письменность и славянское богослужение не смогли после смерти солунских братьев удержаться в Моравии (среди *западных* славян), где и протекала их деятельность, но нашли благоприятную почву у славян *южных* – в Первом Болгарском царстве, а

⁶ Данное рассуждение во многом совпадает с упомянутым выше в связи с работой А. Вайана так называемым Македонским кириллическим листком, который долгое время также считался произведением Иоанна Экзарха Болгарского. В связи с этим в специальной литературе отмечалось: «В(айан) убедительно доказал (1948), что этот текст является фрагментом предисловия Константина-Кирилла к переводу Евангелия апракос. Предисловие, по мнению В., было написано первоучителем по-гречески, позднее переведено др. лицом на слав. и использовано Иоанном Экзархом без указания имени автора» [2].

оттуда попала к славянам *восточным* – на Русь, на которую оказала особенно глубокое влияние. Достаточно вспомнить слова П.А. Лаврова: «Едва ли какой другой народ славянский воспринял кирилло-мефодиевское наследие в такой степени, как русские с принятием христианства от греков при посредстве всего богатства начальной славянской письменности и её продолженного расцвета в Болгарии... Кирилло-мефодиевской письменности суждено было сыграть объединяющую почти всё славянство роль. Мы, русские, особенно прочно обогатились элементами церковнославянского языка, потому что, приняв его как книжный язык, неразрывно его сплотили с родным в своём литературном языке, и нет другого славянского языка, в котором бы в настоящее время оставалось столько элементов старославянских, как в нашем» [12, с. III–IV].

8. Расширение функций (сфер речевого поведения), в которых использовался язык, изначально обработанный и применённый создателями готской/славянской письменности для нужд библейского перевода и литургических целей. Отметим, что данный аспект освещается исследователями несколько по-разному. Одни достаточно осторожно отмечают, что, помимо чисто богослужебного использования, на готском языке «создавались переводные памятники с греческого языка, а также, вероятно, частично велось и делопроизводство» [5, с. 9], и «косвенные свидетельства указывают на то, что Теодорих стремился сохранить готский язык» [4, с. 12]. Другие же категорично утверждают, что «Теодорих... готовил почву для того часа, когда готский язык сможет стать первым официальным языком его королевства» [18, с. 144]. Относительно церковнославянского также можно встретить не вполне совпадающие суждения. Существует точка зрения, согласно которой, в отличие, например, от латыни, использовавшейся в самых различных сферах, «его употребление с самого начала было жёстко ограниченным: богослужебным» [16]. Однако более обоснованным представляется иное мнение: «Достаточно рано (уже в X–XI вв.) он начинает использоваться славянами не только как язык культа, но и как язык науки и литературы» [13, с. 8].

Таким образом, как видно даже из приведённых фактов, *первоначальная* история двух библейских текстов и зафиксированного в них языка в некоторых моментах достаточно схожа. И тем контрастнее выглядит их *дальнейшая* историческая судьба. Церковнославянскому на протяжении многих столетий суждено было выступать в качестве книжно-письменного языка православных славян и сохранять функцию богослужебного языка Русской Православной Церкви до сегодняшнего дня (хотя вопрос о его замене русским языком уже давно является предметом достаточно острых дискуссий). Готский же много столетий назад сошёл с исторической арены, и по иронии

судьбы чаще всего это слово ассоциируется с понятием «готики», введённым в эпоху Возрождения как уничижительное обозначение всего средневекового искусства, считавшегося «варварским». К историческим готам (о которых создатели этого термина вряд ли имели глубокое представление) оно, естественно, никакого отношения не имело – подобно «готическому шрифту», «готическому роману» и т. п. (не говоря уже о появившихся в последней четверти XX столетия представителях молодёжной субкультуры, именующих себя «готами»).

Среди причин, обусловивших такое различие, чаще всего называют фактор религиозный. Если принятое южными и восточными славянами православие стало одним из наиболее влиятельных христианских вероучений и сохранилось, невзирая на любые политические катаклизмы (будь то монгольское нашествие для восточных славян или турецкое господство для южных), то исповедовавшееся готами арианство оказалось, если можно так выразиться, его тупиковой ветвью и тем самым было обречено на исчезновение. А его тесная связь с готским языком и готской письменной традицией (как отмечается в специальной литературе, «римляне даже называли арианство *lex gotica*» [5, с. 9]) привела к тому, что падение остготского королевства и последовавшая католическая реакция не могли не привести к закономерному финалу. В этой связи один из авторов позапрошлого столетия отмечал, что готы, не будучи язычниками, не признавались и христианами и были раздавлены между язычеством и христианством: ‘Their political fate is matched by their ecclesiastical. They are not heathens, yet they are not acknowledged as Christians. Planted in an indefensible position by their Arian creed, – they are crushed between the opposing masses of heathendom and Catholicism’ [24]⁷.

Собственно говоря, и в данном случае можно найти определённые параллели с судьбой славянского языка и славянского богослужения в Моравии, после того как оттуда были изгнаны ученики Кирилла и Мефодия. Разница, однако, заключалась в том, что, в отличие от последних, ни своего Болгарского царства, ни, тем более, своей Руси у последователей Вульфилы не нашлось. Несмотря на то, что вестготское королевство в Испании сохранялось вплоть до арабского вторжения, продолжать готскую традицию там оказалось некому. С одной стороны, «вестготы были романизированы

⁷ Отметим, что в монографии П. Скардильи вопрос об отношении католицизма к готскому наследию освещается несколько противоречиво. С одной стороны, утверждается, что «миф о католической враждебности к текстам на готском языке развеян» и «к объяснению исчезновения готских рукописей остаются только естественные основания, а именно – изношенность и разрушение»; с другой же признаётся, что «арианские тексты были впоследствии сожжены как еретические бумаги. И Св. Колумбан... в своём монастыре в Боббио, и папа Григорий Великий... в Риме в 591 г. уничтожали арианские рукописи» [18, с. 344; 326]

задолго до падения их королевства» [4, с. 12], вследствие чего «ни язык их, ни права, ни религиозное сознание не несли на себе готского отпечатка» [18, с. 203]; с другой – осуществившийся в 589 г. при короле Реккареде переход в ортодоксальное христианство (напомним, что в эту эпоху до раскола на православие и католичество было ещё весьма далеко) знаменовало окончательный разрыв какой бы то ни было связи с наследием «апостола готов». И в какой-то степени символичным выглядит тот факт, что именно в Испании, «вестготские» правители которой окончательно утратили свои вестготские корни, в VII столетии была создана Исидором Севильским концепция трёх священных языков, ставшая основой пресловутой теории триязычия, с которой два века спустя основоположникам славянской письменности пришлось вести непримиримую борьбу...

Литература

1. *Бернштейн С.Б.* Константиин-Философ и Мефодий. Начальные главы из истории славянской письменности М.: Издательство Московского университета, 1984. 167 с.
2. Вайан // Православная энциклопедия под редакцией Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. URL: <http://wwwpravenc.ru/text/153847.html> (дата обращения 06.08.2014).
3. *Ганина Н.А.* Готские языковые реликты: автореф. дисс... д. филол. наук. М., 2008. 33 с.
4. *Гухман М.М.* Готский язык. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1958. 288 с.
5. *Дубинин С.И., Бондаренко М.В., Тетеревёнков А.Е.* Готский язык. Самара: Издательство «Самарский университет», 2006. 148 с.
6. Житие Константина-Кирилла / Подготовка текста и перевод Л. В. Мошковой и А.А. Турилова, комментарии Б.Н. Флори // Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2163/> (дата обращения: 20.07.2014).
7. Житие Мефодия. Подготовка текста и перевод О.А. Князевской, комментарии А.А. Алексеяева. Электронные публикации Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=2164> (дата обращения: 20.07.2014).
8. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica* / Вступительная статья, перевод, комментарии Е.Ч. Скржинской [Электронный ресурс]. URL: <https://sites.google.com/site/hazarskijinformograf/home/hazarskaa-biblioteka/a-bibliografia-na-sajte/iordan-o-proishozdenii-i-deaniah-getov-istoria-gotov> (дата обращения 21.07.2014).
9. *Карамзин Н.М.* История государства Российского: в 4 кн. Книга первая. Ростов н/Д: Издательство «Феникс», 1997. 512 с.
10. *Карпов В.И.* Влияние перевода Библии на формирование литературно-письменного языка у готов // Лакуны в языке и речи. Сборник научных трудов. Благовещенск: Издательство БГПУ, 2003. С. 67–74.

11. Кураев А. Слово о Кириллице [Электронный ресурс]. URL: <http://diak-ku-raev.livejournal.com/193540.html> (дата обращения: 28.10.2013).
12. Лавров П.А. Введение в кн.: *Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности // Труды Славянской комиссии. Т. I. Л.: Издательство АН СССР, 1930. С. I–L.*
13. Ремнёва М.Л., Савельев В.С., Филичев И.И. Церковнославянский язык. Грамматика с текстами и словарем. М.: Издательство МГУ, 1999. 231 с.
14. Селищев А.М. Старославянский язык. Ч. I. Введение. Фонетика. М.: Учпедгиз, 1951. 334 с.
15. Сказание о письменах. О письменѣхъ черноризца Храбра в кн.: *Материалы по истории возникновения древнейшей славянской письменности / П.А. Лавров // Труды Славянской комиссии. Т. I. Л.: Издательство АН СССР, 1930. С. 162–168.*
16. Седакова О.А. Церковнославянский язык: слова для смыслов. // Русская народная линия [Электронный ресурс]. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2013/05/25/cerkovnoslavjanskij_yazyk_slova_dlya_smyslov/ (дата обращения 23.07.2014).
17. Смирницкая О.А. Готское письмо // Лингвистический энциклопедический словарь. Главный редактор В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 111–112.
18. Скардильи П. Готы: язык и культура. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2012. 388 с.
19. Старославянский язык. Энциклопедия «Кругосвет». Электронный ресурс. URL: http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/STAROSLAVYANSKI_YAZIK.html (дата обращения: 23.07.2014).
20. Тахиаос А.-Э.Н. Святые братья Кирилл и Мефодий просветители славян. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2008. 392 с.
21. Флоря Б.Н. Сказания о начале славянской письменности. 2-е изд. СПб.: Алетейя, 2000 [Электронный ресурс]. URL: http://krotov.info/history/09/3/flor_00.htm. (дата обращения: 21.07.2014).
22. Шмельёв А.Д. Можно ли сделать богослужение понятным? // Православный журнал «Нескучный сад». 03.08.13 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsad.ru/articles/mozhno-li-sdelat-bogosluzhenie-ponyatnym>. (дата обращения 24.07.2014).
23. Sancti Hieronymi Epistula CV 5–CVI 1 247 GVL Ad Sunniam et Fretelam de Psalterio, quae de LXX Interpretum editione corrupta sint // Full text of 'Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum' [Электронный ресурс]. URL: http://archive.org/stream/corpuscriptorum55stuoft/corpuscriptorum55stuoft_djvu.txt (дата обращения 24.07.2014).
24. Scott Ch. A.A. Ulfilas Apostle Of The Goths. Macmillan and Bowes, 1885 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cristoraul.com/ENGLISH/readinghall/GalleryofHistory/ULFILAS.html> (дата обращения 25.07.2014).
25. Vaillant A. La préface de l'Évangélique vieux-slave [Электронный ресурс]. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/slave_0080-2557_1948_num_24_1_1465 (дата обращения 06.08.2014).